

у одного русского солдата случайно выстрелило ружьё с шомполом в стволе, и этот самый шомпол впился в ногу лошади принца Антона Ульриха Брауншвейгского. Принц упал вместе с лошадью на землю, но, слава Богу, не пострадал. Однако такая история была бы слишком заурядной, и потому в изложении Мюнхгаузена выпущенный уже прицельно им самим шомпол пронзил стаю из семи летящих куропадок и спикировал с ними на землю, конечно, уже зажаренными (шомпол-то был горячий!).

Так что, можно сказать, «русский опыт» Карла Фридриха служил отправной точкой многих его фантазий (в том числе — амурных) и залогом их хотя бы частичной правдивости. К тому же барон был прекрасным исполнителем собственных рассказов, он преображался и вдохновлялся, как настоящий артист, и без труда «держал» аудиторию. С другой стороны, и сам Иероним, и его друзья принимали подобные мемуары как некую игру, не претендующую на полную серьёзность. Один из постоянных слушателей так описывал это лицедейство: «Обычно он начинал рассказывать после ужина, закутив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша... Он жестулировал всё выразительнее, крутил на голове свой маленький щёгольский паричок, лицо его всё более оживлялось и краснело, и он, очень правдивый человек, в эти минуты замечательно разыгрывал свои фантазии...».

Такие вечера обычно проходили в специальном «охотничьем гроте», вырытом и обустроенном по проекту Мюнхгаузена в склоне горы напротив его дома — на другой стороне небольшой протоки реки Везер. Нижний этаж грота представлял собой винный подвал, а верхний — гостиную с большим столом и стенами, увешанными охотничьими трофеями барона. Хотя в гроте за стаканом вина и собирались одни мужчины, но барон дал ему имя своей верной и нежной Якобины. Другим излюбленным местом Мюнхгаузена был трактир гостиницы «Король Пруссии» в соседнем Гёттингене.

Раздайте патроны, барон Иероним!

И каков же был гнев барона, когда в один прекрасный день он вдруг обнаружил свои истории напечатанными в книге. В 1785 году в Оксфорде вышло на английском языке «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в России». Успех был феерический: уже в следующем году книгу переиздавали шесть раз! Причём если автор (это был Рудольф Эрих Распе, бежавший из Германии после обвинения в расхищении музейных ценностей и решивший исправить свои финансовые дела за счёт Мюнхгаузена) остался анонимным, то главного героя он назвал прямым именем со всеми титулами и даже адресом. Так в мгновение ока наш барон получил славу самого главного враля Германии, особенно в глазах людей, лишённых чувства юмора.

Следом за Распе удар нанёс Гортфрид Август Бюргер, который в книге, переведённой на родной немецкий, вообще переместил основной «театр действий» из России в Германию и далее за моря-океаны и даже на Луну, добавив около десятка собственных фантазий и окончательно лишив сомнительные мемуары правдоподобия. А к тому же кое-где Бюргер выставил главного героя, мягко говоря, человеком пугливым и способным на не красивые поступки. Взбешённый барон попытался было сразиться за поруганную честь, но имена авторов книг на обложках не значились, а потому суды не принимали исков. Следует, однако, заметить, что молнии гнева разъярённого отставного кирасира, возможно, всё-таки достигли своих целей — оба анонимных публикатора умерли намного раньше самого Мюнхгаузена.

Итак, в жизни Карла Фридриха наступила чёрная полоса «общественного осуждения», обвинений во лжи, не порядочности и построением на них корыстолюбия, хотя он, естественно, не получал ни ко-

пейки за книги, которые продавались за немалые деньги. Отношения с земляками ещё сильнее испортил тот самый гостеприимный грот Якобины, который от дома Мюнхгаузена отделяла упомянутая протока. Для удобства сообщения барон, считавший, что в своих владениях он волен поступать как хочет, решил построить мост, не согласовав эту стройку с бургомистром и его окружением. И тут жители сонно дремавшего городка вдруг разом возмутились «русским пренебрежением к законам». Под командованием какого-то буйного портного стихийно собравшаяся на главной площади толпа под колокольный звон ринулась к протоке и снесла почти готовый мост. А заодно и новый забор вокруг дома «зарвавшегося» ротмистра. Представляю, как жалел в тот момент Мюнхгаузен, что рядом нет его российских друзей-кирасиров из первой роты!

Но свою сатисфакцию он всё-таки получил. Вскоре началась Семилетняя война, и французы в числе прочих прусских городов оккупировали Боденвердер. Естественно, они реквизируют у жителей городка всё, что сочли нужным, да ещё и поставили в каждый дом солдат на бесплатной постой. Не тронули только по-

местье Мюнхгаузена, вручив ему особую охранную грамоту, поскольку он был «русским офицером», а Россия выступала в этой войне союзником Франции. Коварно разрушенный мост был отомщён, но барон лишился последних городских приятелей и знакомых. А вскоре умерла и его любимая верная Якобина, с которой Иероним прожил без малого полвека.

Но он, наверное, не был бы неисправимым романтиком и фантазёром, если бы не попытался как-то расцветить конец своего земного бытия. На 74-м году жизни Мюнхгаузен... влюбился в юную 17-летнюю Бернардину фон Браун. Всё, может быть, вышло бы замечательно, но она, к сожалению, была больше увлечена поместьем и деньгами мужа, чем им самим, и не прерывала прежних любовных отношений. Вскоре это со скандалом открылось. В итоге молодая жена сбежала за границу, а остатки своих средств и убывающих сил Мюнхгаузен потратил на бесконечные и безрезультатные бракоразводные процессы. К слову, одним из самых весомых аргументов адвоката Бернардины стали слова: «Господа судьи, разве можно верить человеку, известному всей Европе своими выдумками?!».

Уходил из жизни старый гвардеец так же, как и пришёл в неё — одиноким холостяком с пустым кошельком. Но не изменившим самому себе. Когда ухаживавшая за ним сиделка вдруг с испугом обнаружила, что у доживающего последние дни барона не хватает двух пальцев на ноге (они были отморожены в России), Карл Иероним с улыбкой успокоил женщину: «Пустяк! Их откусил на охоте русский белый медведь...». Говорят, это была его последняя шутка. 22 февраля 1797 года в церковной книге появилась запись о смерти «отставного российского ротмистра Иеронима Карла Мюнхгаузена».

Похоронили барона в соответствии с его завещанием — в офицерском мундире кирасирского полка — в семейном склепе под

полом церкви неподалёку от Боденвердера. Как оказалось, и это обстоятельство он сумел превратить в очередной невероятный случай. Когда более чем через столетие покоящиеся в склепе останки решили перенести на кладбище, будущий биограф барона и автор книги «Таким был Мюнхгаузен» Карл Хензель, бывший тогда ещё мальчиком, так описал свои впечатления:

«Когда гроб открыли, у мужчин выпали инструменты из рук. В гробу лежал не скелет, а спящий человек с волосами, кожей и узнаваемым лицом: Иероним фон Мюнхгаузен. Широкое круглое доброе лицо с выступающим носом и немного улыбающимся ртом...». В ту же минуту по церкви пронёсся порыв ве-

соседней хозяйственной пристройке расположился музей великого фантазёра, где, помимо разного рода вещественных свидетельств его правдивых историй, хранится единственный прижизненный портрет, написанный в 1752 году Г.Брукнером. На нём барон изображён в мундире кирасира. Напротив музея, в центре зелёной лужайки, Мюнхгаузен восседает собственной персоной на бронзовой половинке пьющей лошади, вторая часть которой пасётся где-то на ближних лугах. Неподалёку от дома через небольшую водоём (не он ли бы раньше протокой?!) услужливо перекинут мостик. Не надо быть слишком сообразительным, чтобы догадаться, что главная площадь городка, откуда когда-то толпа шла громить барона, теперь называется Мюнхгаузенплац. В центре площади высятся та самая русская колокольня с подвешенной на кресте лошадью, у основания её расположилась пушка с вылетающим на ядре Иеронимом Карлом. Чуть поодаль рвётся в небеса стайка уток, нанизанных хитроумным бароном на бечёвку с помощью кусочка сала и несущих его прямо домой.

Фестивали, конкурсы, спектакли — всё теперь здесь вращается вокруг его имени, привлекая многочисленных туристов и зрителей и принося благополучие городку. Самый же новый памятник, дар одного русского бизнесмена, появился в Боденвердере в 2008 году и олицетворяет собой типично российский сюжет — всадника, вытягивающего себя за волосы из болота вместе с лошадей. К слову сказать, больше всего памятников Мюнхгаузену поставлено именно в России и на постсоветском пространстве — их насчитывается около полутора десятков. Это наглядно подтверждает, что барон давно пользуется у нас в стране особой любовью. Во многом, конечно, благодаря прекрасному переложению его «Приключений» около века назад Корнеем Чуковским. А первым вольным переводчиком книжки Распе-Бюргера на русский язык Николая Осипова увидел свет ещё в 1791 году. Говорят, сегодня в музейной

тра, и тело вмиг распалось в пыль. «Вместо лица выступил череп, вместо тела — кости». Потрясённые люди закрыли гроб и не стали никуда его переносить.

Карл Фридрих, наденьте свои ордена!

Увы, так уж устроена человеческая жизнь: ушедший из неё освидетельствованным, нищим и презираемым, по истечении относительно небольшого времени барон Мюнхгаузен стал предметом гордости и обожания своих земляков. Как сказал в оправдание хулителей, превратившихся в ценителей, бургомистр из фильма «Тот самый Мюнхгаузен», «мы были искренни в своих заблуждениях». Как тут не вспомнить ещё одну фразу из того же фильма: «Господи, неужели нужно обязательно убить человека, чтобы понять, что он живой?!».

Да, сегодня именно в доме Мюнхгаузена находится ратуша Боденвердера, а его спальня стала рабочим кабинетом бургомистра и исполнительного директора. В

библиотеке Боденвердера «русская» полка книг, посвящённых Мюнхгаузену, — самая длинная.

В Москве, которая, как известно, словам не верит, знаменитый барон был воплощён в бронзу только в 2004 году, да и то не санкционированно. Случилось это недалеко от станции метро «Молодёжная». Разумеется, Мюнхгаузен и тут вытягивает себя из болота известным способом, подтверждая, что «мыслящий человек просто обязан время от времени это делать». Открывая памятник, актёр Олег Янковский, с блеском сыгравший главного героя в упомянутом фильме, ещё раз озвучил собравшимся ключевое, на его взгляд, утверждение легендарного барона: «Умное лицо — это ещё не признак ума. Все глупости в мире совершаются именно с этим выражением лица... Улыбайтесь господу, улыбайтесь...».

Видимо, услышав эти слова, серьёзные московские власти, решившие поначалу снести самовольный памятник, улыбнулись и оставили его на месте. Можете сами в том убедиться.